

УДК 94(520)

ПЕРСИВАЛЬ ЛОУЭЛЛ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Р.Р. Мухаметзянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье сквозь призму исследований Д. Штрауса, малоизвестного в российской историографии, анализируются взгляды на особенности японской культуры П. Лоуэлла, который в 1882–1893 гг. совершил не одну длительную поездку в Азию. В результате в его работах представлен целостный облик высокоразвитой традиционной культуры Японии, отождествляемой с дальневосточной цивилизацией как таковой. Будучи прекрасным знатоком садово-паркового искусства, Лоуэлл ценит икебаны, при этом полагая, что европеизация страны восходящего солнца невозможна из-за особенностей мышления её людей, не способных к усвоению достижений западной науки. Эти взгляды, как представляется авторам, стали причиной того, что до 2006 г. труды П. Лоуэлла не переиздавались. Между тем их значение вряд ли стоит умалять, поскольку потомок «бостонских браминов» впервые провёл сравнительное исследование традиционной культуры и такого цивилизационного типа развития, как модерн. Более того, им были поставлены вопросы самоидентификации личности в обществе с доминированием архаичных форм образа жизни. Книги и статьи П. Лоуэлла являются важными первоисточниками по японскому искусству и ритуалам синтоизма.

Ключевые слова: востоковедение, традиционная культура, социология, модернизация, вестернизация, «бостонские брамины», Персиваль Лоуэлл, Япония, США, астрономия, Марс

Персиваль Лоуэлл (Percival Lowell, 1855–1916) наиболее известен как автор сенсационной теории об обитаемости планеты Марс, которую он отстаивал до конца жизни. Если обыгрывать его имя, ассоциируемое с рыцарским романом в стихах В. фон Эшенбаха и музыкальной драмой Р. Вагнера, а точнее святым Граалем¹, то для североамериканца таковым навсегда остались марсианские каналы². Следует сказать, что сразу после опубликования гипотеза Лоуэлла подверглась активной критике в том числе со стороны таких авторитетных учёных, как А. Уоллес – соратник Ч. Дарвина и сооснователь эволюционной теории [1, р. 159].

В конце XX в. труды П. Лоуэлла становятся предметом рассмотрения не астрономов и биологов, а гуманитариев, главным образом психологов и литературо-

¹ Имеется в виду сюжет неоднократно переработанного куртуазного сказания, начатого в средние века Кретьеном де Труа.

² См., например, переведённую на русский язык книгу «Марс и жизнь на нём» (*Mars as the abode of life*, 1908) (МЖН).

ведов, занимающихся проблемами фантастики. Причина того достаточно ёмко сформулирована К. Саганом: «Лоуэлл всегда говорил, что правильная форма каналов является безошибочным признаком их разумного происхождения. Безусловно, это верно. Единственный нерешённый вопрос – с какой стороны телескопа находился этот разум» [2, с. 175].

Поскольку в 2010-е гг. очевидно, что жизнь на Марсе (если таковая когда-то существовала) не вышла за пределы одноклеточных организмов, важнейшим для наследия П. Лоуэлла является поиск первопричин его взглядов, которые есть не что иное, как «вотчина» именно гуманитарного знания. Как отмечает Н. Хетерингтон, Лоуэлл не был специалистом в области точных наук, как мы их понимаем сейчас, и приступил к своим астрономическим исследованиям с уже сложившимися взглядами, которые следовало подтвердить; его навыки астронома-наблюдателя были в лучшем случае любительскими (цит. по [1, р. 159–160])³.

Квинтэссенцией отношения современного интеллектуального сообщества к П. Лоуэллу стала его биография, изданная в 2001 г. [3]. Автор книги исследует погружённость Лоуэлла в породившую его социальную среду, с которой он пытался бороться, но так и не смог никогда порвать. Так, востоковедческие и астрономические занятия описываются в категории «бегство».

Отношение к трудам П. Лоуэлла о Японии было совершенно иным. Например, Л. Хэрн (Patricio Lafcadio Tessima Carlos Hearn)⁴ в одном из писем восторженно называет «Дух Дальнего Востока» (*The Soul of Far East*, 1888) «книгой книг» и требует от читателей не пропустить в ней ни буквы (цит. по [4, р. 217]). Именно Лоуэлл, по мнению Д. Штрауса, заложил отношение американской публики к Японии, особенно к её культуре, садам, икебанае и проч. [4, р. 217].

Ввиду того что в российской историографии востоковедческие труды американского исследователя почти совершенно неизвестны, настоящая работа призвана в некоторой степени восполнить этот пробел.

Для начала кратко осветим ключевые моменты жизненного пути. Как известно, П. Лоуэлл родился в семье так называемых бостонских браминов, которые поселились в Новой Англии (штат Массачусетс) ещё в XVIII в. и в каждом поколении поставляли Америке выдающихся личностей. Так, глава рода Джон Лоуэлл (John Lowell, 1743–1802) был депутатом Континентального конгресса и федеральным судьёй. Двоюродный дядя Френсис Кэбот Лоуэлл (Francis Cabot Lowell, 1775–1817) – один из пионеров индустриальной революции в США, основатель текстильных фабрик в условиях экономической изоляции страны. Во время Гражданской войны между Севером и Югом отличился Чарльз Рассел Лоуэлл III (Charles Russell Lowell, 1835–1864), став бригадным генералом в возрасте 29 лет, посмертно. Брат и первый биограф Персиваля, Эббот Лоуренс (Abbott Lawrence Lowell, 1856–1943), был в 1909–1933 гг. президентом Гарвардского университета. Сестра Эми (Amy Lawrence Lowell, 1874–1925) стала поэтессой и удостоена Пулитцеровской премии в 1926 г. [6, р. 288].

³ Здесь и далее перевод наш. – Д.М., Ю.М., Р.М.

⁴ В русскоязычной литературе имя новонаречённого Коидзуми Якумо (小泉八雲), профессора Токийского университета, представлено по-разному: *Патрик Хирн*, *Лавкадио Хэрн* и др., что обусловлено его биографией (подробнее см., например, [5, с. 13–17]).

Воспитание и образ жизни П. Лоуэлла более всего соотносились с европейской аристократией, а не с американским миром бизнеса. Детство и юность в значительной степени прошли во Франции и Англии. В 1876 г. он с отличием окончил Гарвардский университет и даже получил приглашение остаться для подготовки к званию профессора математики. Однако он предпочёл получить наследство, совершить большое путешествие по Европе, добравшись до Сирии и Палестины, а далее в течение шести лет управлял семейными фабриками и электрической компанией.

Весной 1882 г. Лоуэлл резко меняет образ жизни и отправляется в Восточную Азию. Совершая первое (летнее) путешествие по провинциям страны восходящего солнца, он желает увидеть форму бытия, которое не затронуто европеизацией. По возвращении в США его ждёт служба в Государственном департаменте для сопровождения корейской дипломатической миссии. Благодаря Лоуэллу состоялся первый контакт с Тёсэн⁵, и сделал он это весьма успешно для интересов своей страны.

Перед Рождеством 1883 г. нанесён ответный визит, пребывание в стране утренней свежести продлилось около двух месяцев. Материалы, полученные в ходе этой поездки, легли в основу книги «Чосон, страна утреннего покоя. Описание Кореи» (Ch). До лета 1884 г. П. Лоуэлл остаётся в Японии, затем через Индию и Европу возвращается в США. В том же году, как сообщает Р. Элвуд [6, р. 289–290], он публикует статью с описанием попытки государственного переворота в Корее (KCDE) и ставшую впоследствии самой известной книгу «Дух Дальнего Востока» (SFE).

П. Лоуэлл вновь отправится в страну восходящего солнца в декабре 1888 г. и станет 11 февраля 1889 г. свидетелем принятия первой японской конституции, с одной стороны, и убийства последовательного сторонника вестернизации министра культуры Мори Аринори, создавшего трёхступенчатую систему, увенчанную Императорскими университетами, и национальную сеть педагогических школ, – с другой.

По окончании дипломатических дел Лоуэлл прибудет на полуостров Ното, изолированный от остальной части страны. Отображению этого путешествия посвящена отдельная книга «Ното, неисследованный уголок Японии» (N).

В США он вернётся летом 1889 г., далее совершит поездку в Европу, а в 1891 г. снова, в четвёртый раз, приедет в Японию и станет одним из первых представителей Старого и Нового Света, допущенных к эзотерическим трансовым синтоистским ритуалам. Этому способствовало восхождение на священную гору Онтакэ – второй по величине после Фудзи вулкан, расположенный на острове Хонсю, где он познакомился с группой особо набожных странников. Полученный опыт описан в его последней работе по востоковедению «Оккультная Япония, или Путь богов» (OJ).

Осенью 1893 г. П. Лоуэлл ещё раз круто изменит свой путь, поставив во главу угла строительство обсерватории в Аризоне и поиск разумной жизни на Марсе [6, р. 303]. Именно это направление деятельности сделало его всемирно знаменитым. Курс лекций приглашённого профессора Массачусетского технологического

⁵ Самоназвание Кореи в японском произношении. – Д.М., Ю.М., Р.М.

института (1902) был переведён на множество языков, включая русский (см. МЖН). Начиная с 1914 г. он занят сложными расчётами с целью найти самую отдалённую планету Солнечной системы⁶, однако эту работу прервали известия о неограниченной подводной войне, развязанной Германией, и вступлении США в Первую мировую войну на стороне Антанты. Последовательный пацифист П. Лоуэлл, который, по словам Р. Элвуда, «непрестанно находился в поисках Другого» [6, р. 308], скоропостижно умер в возрасте 61 года.

В 80-е годы XIX в., когда Лоуэлл начинает изучать японскую проблематику, у американской элиты по отношению к реформам императора Мэйдзи энтузиазм сдержанный. Поскольку усиление промышленной мощи ведущих мировых держав увеличивало международный антагонизм, наличие противовеса в Тихоокеанском регионе, рядом с Китаем и Россией, делало Японию ценным союзником. Однако лично Лоуэлла не интересовала промышленность и проповедь христианства на Востоке; полученное им в Европе воспитание было космополитическим, а способность к восприятию чужой культуры считалась в литературных кругах Бостона самостоятельной ценностью. Впрочем, согласно Д. Штраусу [4, р. 224], эти сущности не противоречили друг другу: среди творцов внешней политики США было немало людей, искренне восхищавшихся японским искусством, которое представлялось своего рода индикатором того, что темпы модернизации не будут слишком быстрыми и Япония не станет опасным соперником Запада.

Вполне возможно, что интерес к стране восходящего солнца возник у П. Лоуэлла благодаря Э. Морзе (Edward Sylvester Morse), который, будучи в 1877–1879 гг. преподавателем Токийского университета, собрал большую коллекцию японского искусства и активно его пропагандировал. Лекции зоолога и ориенталиста проходили в институте, главой которого был Август Лоуэлл (Augustus Lowell, 1830–1900), отец Персиваля. Кроме того, в Бостоне было сильно и британское влияние; как раз во время первого путешествия П. Лоуэлла в Японию Б. Чемберлен (Basil Hall Chamberlain) основал в Лондоне Королевское азиатское общество, до сих пор имеющее собственное журнальное издание⁷, а также напечатавшее в 1884 г. путеводитель (НТJ). Лоуэлл общался с учредителями этой организации в Токио, где был вхож в Рокумейкан [4, р. 224–225].

Работы П. Лоуэлла, по словам Д. Штрауса [4, р. 227], отвечали на важнейшие вопросы, которые волновали американцев его времени, а именно:

1) *Можно ли воспринимать японское искусство отдельно от породившей её цивилизации?*

2) *Будет ли способна модернизированная Япония бросить вызов гегемонизму Запада?*

Лоуэлл по природе своего ума был склонен к обобщениям, ему удавалось использовать личные впечатления как иллюстрации, не замещая частностями большой картины. Следует сказать, что современные исследователи предпочитают реконструировать дальневосточный опыт П. Лоуэлла по его переписке с сестрой Эми, Л. Хэрн и бостонскими друзьями Б. Уэнделлом (Barrett Wendell)

⁶ Плутон обнаружат в 1930 г. Могли бы найти и раньше, ведь он запечатлён на сделанных ещё при жизни П. Лоуэлла фотопластинках, но свечение планеты настолько слабо, что не позволило её идентифицировать.

⁷ <https://royalasiaticsociety.org/>.

и Ф. Стимсоном (Frederic Jesup Stimson). Все труды по Японии и Корее, включая статьи в разных периодических изданиях и переписку, собраны в 2006 г. при участии Д. Штрауса в 5 томах (PL). Дискуссионным в настоящее время является вопрос о степени владения Лоуэллом японским языком. В его биографии 1921 г. зафиксировано, что он свободно говорит по-японски [7, p. 27]. О том же писал У. Мэйсон (William Betts Mason) – сосед по Токио – в отзыве на эту книгу, согласно Д. Штраусу, однако он утверждает: если Лоуэлл и был способен говорить и писать по-японски, то «никогда не делал это особенно бегло или грамотно» [4, p. 225–226].

Собственно, если вернуться к предмету настоящей статьи, в «Духе Дальнего Востока» П. Лоуэлл впервые предложил описание целостного японского культурно-исторического типа, дающееся через единство языка, социума, искусства и религии. Систематичность мышления американца сделала его работы привлекательными для современников (см. [8, p. 273–275]). Отождествляя Японию с традиционным укладом, он закладывает основу сравнительных этнографических и социологических исследований, зиждущихся на сопоставлении азиатских (архаичных) и западных (модерн) форм организации общества, тем самым позволяет вычленировать достоинства и недостатки обеих систем.

Так или иначе, следует иметь в виду, что двойственность отношения Лоуэлла к модернизации не отменяла главного – однозначного признания превосходства Запада над Востоком. В то же время налицо другая разноречивость: искренне восхищаясь повседневной эстетичностью японской жизни, культурным ландшафтом страны восходящего солнца вообще, он не менее чистосердечно стремится доказать неспособность японцев к высшим научным и техническим достижениям, на которые оказываются способны исключительно представители Старого и Нового Света. Природе, точнее цветущим садам Японии и их элегантности, в книге «Дух Дальнего Востока» посвящена глава V «Природа и искусство» (SFE, p. 110–141), а следующая за ней – шестая – повествует сугубо о шедеврах (SFE, p. 142–161).

Восхищаясь старой, самурайской Японией, П. Лоуэлл ставит задачу сохранить её в своих фотографиях и книгах; в последних, как отмечается исследователями, можно найти фрагменты, где выражается сожаление, что архитектурные постройки и одежда по своей конструкции уступают «неуклюжим» западным, аналогичное мнение будет выражено также Л. Хэрном, причём отношение к японскому феодализму заметно более сочувственное, чем к американской плутократии (см. [5, с. 47–49]).

Женщина Востока традиционно занимает особое место в западных представлениях. Не обошёл эту тему и П. Лоуэлл. В письмах 1883–1884 гг., адресованных Стимсону, немало описаний гейш, их искусства и очарования. Об одной, именуемой Аромат Ириса (Fragrant Iris), он писал:

Глядя на её лицо и улыбку, я забыл, что я иностранец и мой дом в нескольких тысячах миль отсюда (цит. по [4, p. 228]).

Отличительными чертами женщин Дальнего Востока названы «мягкость и деликатность» (N, p. 56). Они ярко проявились при изображении горничной, которая служила ему в Ното и наливала чай так, как если бы совершала некий

возвышенный обряд. Общение с гейшами привело П. Лоуэлла к неожиданным размышлениям о собственном существовании, которое было «увы! неестественным» (N, p. 56). Вывод, что «дальневосточная женщина ни при каких обстоятельствах не забывает, что она женщина» (N, p. 56), как представляется, прямо полемизирует с эмоциональными высказываниями Л. Хэрна, восхвалявшим деспотический семейный уклад старой Японии (см., например, [5, с. 55–63]).

Дж. Долан отмечает: и точность, и тонкость восприятия японского искусства Лоуэллом контрастирует с непрофессионализмом его астрономических теорий, хотя последние во многом «проросли» из его востоковедческих работ [8, p. 262–263]. Больше всего о творческом воспроизведении окружающего мира П. Лоуэллом написано в упомянутой выше книге «Дух Дальнего Востока», причём он интуитивно нашёл метод, сопоставив древний храм с его сокровищами и торговый квартал, обслуживающий интересы среднего столичного жителя (SFE, p. 111–120). Эстетическое впечатление оказывалось примерно одинаковым, что доказывало глубину духовного фундамента среднего японца.

Особое место в указанном сочинении занимает садовое искусство, основанное на соединении японского художественного чутья и вкуса и любви к природе. Последнее, по заявлению Лоуэлла, шестое чувство абсолютно всех японцев. Важнейшим здесь является описание их способности к созданию красоты в повседневной жизни (SFE, p. 129, 141–143).

П. Лоуэлл, впрочем, касался также естественных красот Японии в другой своей книге при описании паломничества в древнейший синтоистский храм в Исэ (OJ, p. 270).

Обозначив множество вопросов, исследователь-ориенталист наметил и пути к их разрешению – через сопоставление душевных и умственных способностей, что, как известно, положены в основание теории цивилизации, в частности, её типов – европейского (*западного*) и азиатского (*японского*). Собственно говоря, впервые упоминания о таком соизмерении появляются в его письмах из Кореи. В принципе, учитывая полученное П. Лоуэллом классическое образование, в применении им метода противопоставления нет ничего необыкновенного: дифференциация понятий-лемм активно применялась ещё римскими писателями периода поздней античности (Кассиодором или Исидором Севильским, например). Однако данный приём прилагается для объяснения природы противостояния Запада и Востока, что прямо заявлено в предисловии к «Духу Дальнего Востока» (SFE, p. 3–5). Здесь находится место для любых парадоксов: Лоуэлл, например, призывает ввести японский язык в программу американских колледжей, чтобы дети лучше понимали особенности западных (“Western”) языков [4, p. 232]. Помимо этого (напоминает вершину айсберга), для него главная оппозиция коренилась в понятиях западной «личности», противостоящей азиатской «безличности» [4, p. 231]. Очень быстро теоретические рассуждения превращаются в страстную апологию первого перед последним, так как П. Лоуэлл, по-видимому, был тем пионером, который глубоко прочувствовал, насколько цивилизация, отрицающая первостепенную роль личности, способна угрожать основным американским (шире – западным) институтам. Если утончённый эстет, названный родителями, бесспорно, в честь рыцаря Круглого Стола, чувствует свою ущербность перед гейшей в шёлковом кимоно на чайной церемонии,

то потомок индустриальных магнатов и генералов войны Севера и Юга задаёт безжалостный вопрос:

Может ли стать так, что индивидуальность и прогресс Запада ошибочны, а бесстрастие безличного Востока истинно? [4, p. 231].

Ответ дан через призму дарвиновской теории. С точки зрения П. Лоуэлла, процесс эволюции принёс плоды на Западе, для него характерна гетерогенность, и зачат на Востоке, где сохраняется архаическая общественная монолитность. В психическом плане азиаты остались детьми, поэтому опыт самосознания, доступный для всех людей, приглушён в восточной культуре. Всё это доказывается на многочисленных примерах из социально-политических институтов и культуры (SFE, p. 20–26).

Следует сказать, что если Л. Хэрн, сын врача-ирландца и гречанки, получивший в 1890 г. подданство страны восходящего солнца, описывает японскую семью как весьма жизнеспособный организм, который в идеале вызывает почти религиозную благоговейность, то Лоуэлл бичует этот институт как подавляющий индивидуальность (не отмечают, например, дни рождения детей, празднества общие устраивая отдельно для мальчиков и девочек) [4, p. 231]. Не были обделены вниманием браки по сговору, в которых, по мнению потомка «бостонских браминов», невозможно проявление и самое существование романтических чувств (SFE, p. 35–36).

Этот миф просуществовал в литературе не менее полувека, пока Р. Бенедикт категорически не заявила: «Романтическая любовь – ещё одно “человеческое чувство”, которое культивируют японцы. Для такой любви Япония – дом родной, независимо от того, насколько она противоречит формам брака японцев и их семейному долгу» [9, с. 221]. Метод и способ мышления тем не менее прежние: автором книги «Хризантема и меч» (*Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*, 1946), где предостаточно ссылок на материалы П. Лоуэлла, японская литература сравнивается с французской, и тут же совершенно ложное утверждение, будто «китайцы⁸ хранят себя от многих неприятностей, недооценивая романтическую любовь и эротические наслаждения и, как следствие, семейная жизнь у них протекает довольно ровно» [9, с. 221].

При таком подходе и язык, и искусство используются П. Лоуэллом для доказательства неразвитости личности у японцев, которая была таковой в прошлом, есть в настоящем и останется в будущем (SFE, p. 3–5, 20–26, 35–36).

В качестве примера им приводятся знаменитые грамматические категории вежливости японского языка, разные в случае обращения вышестоящего к нижестоящему, равного к равному и нижестоящего к вышестоящему. Он объявляет их результатом отсутствия самоуважения. Безличность выражается, по мнению Лоуэлла, в возможности построения косвенных обращений, без уточнения социальной и половой принадлежности субъекта, что означает возведение в абсолют действия, но не его актора (SFE, p. 88, 90, 106).

⁸ Несмотря на декларируемое Р. Бенедикт применение эмпирического метода (выражаемого, в частности, в интервьюировании как главного источника), исследователь тем не менее сохраняет многие штампы в восприятии дальневосточной цивилизации. Поэтому Китай – эталон для сопоставления, коль скоро рассматривается как первопричина японской культуры.

Искусство предстаёт у П. Лоуэлла как образное отражение японского национального сознания. Современному исследователю *status rerum* позволяет обнаружить серьёзное противоречие: для философии XIX в. художественное творчество есть не что иное, как высшая форма общественной деятельности, но, по меткому наблюдению Д. Штрауса, Лоуэллу приходится уверять своих читателей, что к Японии (Востоку вообще) это не относится [4, p. 232].

Так или иначе, в «Духе Дальнего Востока» на нескольких страницах говорится о неспособности японцев усвоить принципы современной науки, что серьёзнейшим образом расходится с достижениями японского искусства (SFE, p. 111–113), поэтому далее следует особое разъяснение, будто японское эстетическое сознание имеет специфические черты, поскольку не связано с индивидуальностью. Японцы, как утверждает П. Лоуэлл, обратили своё искусство к миру природы, а не человека. Художник не представляет *homo sapiens* как венец творения, напротив, всегда прозаично в повседневной обстановке, поскольку человек – органическая часть мироздания. Одним из доказательств, помимо прочего, выступает отсутствие идеализированных изображений женского тела, которое считалось высшим проявлением красоты у западных мастеров. Вывод, несмотря на всё сказанное, на наш взгляд, немного парадоксальный: по природе своей японцы артистичны так же, как европейцы логичны и склонны к науке (SFE, p. 122–125, 148, 157).

Будущее японской цивилизации П. Лоуэлл пытался увидеть в религии. Им совершенно верно определён синкретизм буддизма, синтоизма и конфуцианства, причём, по мнению ориенталиста, первый «ответственен» за ту роль, которую природа играет в японском искусстве, а другие «обслуживают» собственно нужды религиозного сознания, апеллируя к общественным и индивидуальным поведенческим схемам.

Для американского читателя предназначены очерки, сравнивающие буддизм и христианство, которые для Лоуэлла во многих отношениях схожи. Близость заключается, во-первых, в том, что в обеих религиях чётко разделены догмы, обращённые к широким массам (мирянам), и эзотерическая доктрина, предопределённая более продвинувшимися по духовному пути (монахам); во-вторых, в основе доктрины и той, и другой лежит любовь. Естественно, различий будет значительно больше: буддизм подчёркнуто созерцателен, тогда как христианство предполагает активную деятельность; кроме того, буддийский путь к спасению в европейской терминологии равнозначен уничтожению души, не приемлемому для христианина. Таким образом, П. Лоуэлл и здесь обнаруживает противостояние индивидуальности против обезличенности. Впрочем, он признавал, что превосходство христианства относительно, так как путь к истине лежит вне религии, а только через науку (SFE, p. 169, 176).

Заключительная глава анализируемой нами книги П. Лоуэлла разъясняет разницу между Востоком и Западом. Исследователь рецепции Японии (как, впрочем, Кореи или Китая) в западном общественном сознании XIX в. не найдёт в лоуэлловских рассуждениях ничего нового. Так, потомок «бостонских браминов» полагает, что восточная цивилизация остановилась ещё на ранней стадии своего развития, имея особого рода совершенство в природных условиях и константность исторической обстановки. Застой – прямое следствие отсутствия

индивидуальности и творческого воображения [4, р. 233–234; 8, р. 269–270]. Снова налицо, как видим, противоречие, ведь несколькими главами ранее японцы называются нацией художников, обладающих способностью к построению новых образов в полной мере.

Следует сказать, что в книге «Чосон, страна утреннего покоя. Описание Кореи» Лоуэллом обоснован тезис, согласно которому воображением равно наделены поэт и математик, а «поэзия и математика – родные сёстры» [4, р. 233]. Чтобы преодолеть несоответствие, в «Духе Дальнего Востока», написанном позже, он заявляет: искусство в большей степени требует вкуса и способности к имитации, чем собственно воображения. Иными словами, художники ограничены или вовсе не способны выходить за пределы повседневной реальности, в то время как учёный может выйти далеко за её рамки, что и закладывает фундамент прогресса. Воображение и индивидуальность, таким образом, совершенно соотносятся друг с другом. Восток (Япония, в частности) обречён на вечное подражание Западу и никогда не сможет бросить ему вызов (SFE, р. 213, 216).

Публикуя свои размышления о прогрессе, П. Лоуэлл в известной мере рискует, поскольку именно с 80-х годов XIX в. началось ускоренное развитие и США, и Японии. Вскоре после выхода «Духа Дальнего Востока», как уже отмечено нами выше, была принята японская конституция, а до попытки страны восходящего солнца заявить о себе как равной в ряду сверхдержав всего несколько лет. Казалось бы, стремительный прогресс должен опровергнуть построения представителя Нового Света или, по крайней мере, заронить у него сомнения в окончательности и непротиворечивости выработанной теории. Однако произошло обратное: Лоуэлл только укрепился в определении японской культуры как имитативной, именно успехами в догоняющем развитии объясняются достижения Японской империи того времени, но западным державам бросить вызов она не сможет [8, р. 275].

Имитация, как известно, была уделом первобытных людей тогда в философии истории (Г. Тард, Э. Дюркгейм), соответственно, исследовательская логика требовала вскрыть истоки и причины характерного поведения японцев. Во время первого путешествия в Корею и Японию (1883–1884 гг.) П. Лоуэлл ищет и находит в жизни этих стран элементы «застоя». Япония второго его путешествия (1889 г.) – это страна, бурно развивающая индустрию, опутанная непрестанно расширявшейся сетью железных дорог. Так, в книге «Ното, неисследованный уголок Японии» не скрывается удивление: чтобы попасть в мир старой Японии, приходится ехать в вагоне поезда по только что пущенной в строй линии, тогда как всего пять лет назад багаж вёз рикша (N, р. 18).

Убийство Мори Аринори, главы вестернизаторского течения в японской политике и министра культуры, совершённое в день принятия конституции, произвело на П. Лоуэлла сильное впечатление. Он посвятил его памяти и наследию статью «Судьба японского реформатора» (FJR). Относительно недавно в архивных материалах были найдены также фотографии, свидетельствующие о личном знакомстве с Мори Аринори [4, р. 235], последовательным сторонником ориентации Японии на США и восприятия всего американского, вплоть до отказа от японского языка и принятия английского в качестве государственного. В указанном тексте П. Лоуэлл особо останавливается на событиях 1887 г.,

которые имели в Японии большой резонанс. Так, Мори Аринори при посещении главной святыни, синтоистского храма в Исэ, осмотрел национальные сокровища (в частности, Священное зеркало), доступ к которым разрешён только членам императорской фамилии и священнослужителям высшего ранга, к тому же не снял обувь. Этот поступок был воспринят как величайшее святотатство, и убийство стало возмездием со стороны консерваторов. Лоуэлл и здесь высказывает свою излюбленную идею: хотя убийство и явилось актом индивидуальным, общественность сочувствовала убийце, а не убитому. Похороны министра прошли скромно, на них присутствовали только представители европеизированной элиты. Это, по мнению Лоуэлла, может служить доказательством силы японской традиции и того, что западный путь – удел ничтожного меньшинства [4, р. 235].

В 1889 г. для слушателей английской школы права в Токио П. Лоуэлл прочитал три лекции об имитации, которые были опубликованы в газете “Japan Weekly Mail”. В них, естественно, мощный посыл-протест против соответствующих практик в политике и экономике (цит. по [10, р. 577]). Один из ярких примеров находим в книге «Ното, неисследованный уголок Японии» (N, р. 37–38). В путешествии по железной дороге американский исследователь-ориенталист замечает, что одежда попутчиков самым гротескным образом совмещает элементы японские и европейские. Например, человек в безупречном английском костюме носит традиционные японские носки (с отдельным большим пальцем) и сандалии. Это, согласно Лоуэллу, «ползучий паралич имитации» (N, р. 38). Помимо прочего, горькие мысли о том, что всего двадцать лет назад в стране восходящего солнца была естественная средневековая обстановка, вызвало обозрение замка Уэда. На его фоне разношёрстная публика разыгрывает не трагедию, а фарс (N, р. 38–39).

«Изнутри» проблему имитации Лоуэлл представит в своей последней книге «Окультурная Япония, или Путь богов». По мнению Д. Штрауса, на выбор предмета описания – эзотерических трансовых синтоистских ритуалов – в значительной мере влияние оказала общественная реакция на убийство Мори Аринори [4, р. 236]. П. Лоуэллу кажется, что имитация способна превратить Японию в серьёзную проблему для США. Так, если в «Духе Дальнего Востока» главной религией Японии выступает буддизм, то теперь впервые признаётся:

В сердце нации дух синтоизма силен как никогда (OJ, р. 103).

В 1892 г. П. Лоуэлл прочитал в Азиатском обществе доклад об эзотерической стороне синтоизма, который в пересмотренном виде вошёл в рассматриваемое сочинение. Примечательна следующая мысль: синто является подлинным духом японцев, которое никогда не будет замещено ни буддизмом, ни христианством, потому что это религия первородства. Трансовые ритуалы кажутся иностранцам варварскими и первобытными, но японские чиновники, стыдясь своих обычаев, активно будут в них участвовать, чтобы не потерять главенства над народом, высоко ценящим эти церемонии (OJ, р. 103).

Выяснив широкое распространение в Японии сект, практикующих транс и вуншение, П. Лоуэлл считает своим долгом задать вопрос:

Почему японцы более склонны к таким ритуалам, чем другие нации? (ОЈ, р. 288)⁹.

Ответ им был сформулирован намного раньше – в деиндивидуализации японцев. Незрелая индивидуальность означает слабость духа, удобную для власти имущих. С другой стороны, незначительное по силе своего проявления это обеспечивает высокую степень имитации. Выводы Лоуэлла носят, на наш взгляд, несколько апокалипсический характер: «Сорок миллионов японцев стали невинными жертвами иностранного внушения. Это не просто подражание чужеземным обычаям; воздействие неадаптированных сущностей как штампа для своего рода гипнотического воздействия, даёт в конечном счёте карикатуру» (ОЈ, р. 288). Здесь не имеется в виду только западное влияние, поскольку исторические корни японской имитации усматриваются в привычках, выработанных тысячелетием ранее (ОЈ, р. 367).

П. Лоуэлл, сформировавшийся как личность в 60–70-х годах XIX в., переживает типичный для интеллектуала того времени своего рода эстетический конфликт, наблюдая то, как на смену привлекательного традиционного мира с иерархией привычных социальных и культурных ценностей приходит индустрия, сулящая мировое господство. Эзотерика не приемлема в силу примитивности и иррациональности. Лоуэлл-учёный, выросший в пуританской новоанглийской среде, превыше всего ставит разум и контроль сознания, которые отрицают приверженцы трансных культов. Примечательно, что, занявшись исследованием синтоизма, он пригласил к себе домой знакомых паломников, чтобы повторить их практики, так сказать, в «лабораторных» условиях. Опыт удался, и он был подан в книге как пример превосходства западной научной рациональности над японским интуитивным искусством (ОЈ, р. 12, 138–157).

В своей последней востоковедческой работе П. Лоуэлл вновь говорит о связи рациональности, личности и этнопсихологии. В его понимании японская безличность тесно связана не только с искусством и имитацией, но и женским началом. Разделяя взгляды психологов-современников, что слабому полу свойственна пассивность, Лоуэлл объединяет природу шаманских ритуалов, синтоистских трансов и практик псевдохристианской секты, основанной Мэри Бэйкер Эдди (ОЈ, р. 102). Женщина, отказывающаяся от своей природы, становится, с его точки зрения, «мужчиной второго сорта» (ОЈ, р. 282). Сходная участь ждёт и стремящихся превратиться в людей Запада японцев (ОЈ, р. 283–285).

Итак, подведём итоги. Популярность и забвение трудов П. Лоуэлла породились одним и тем же – признанием однозначного превосходства Запада над цивилизациями Дальнего Востока. После 1911 г. ни «Дух Дальнего Востока», ни «Оккультная Япония, или Путь богов» не переиздавались почти столетие, поскольку к началу Первой мировой войны потеряли смысл рассуждения о «женском» характере японской нации, её неспособности к современной науке (западной по своему генезису). Отчасти сам Лоуэлл подложил социокультурную «мину» под свои теории: его критика индустриального общества шла не от приверженца аграрной патриархальности в духе Просвещения, как у Т. Джефферсона (Thomas

⁹ То, насколько соответствовали такие обобщения действительности, как представляется, предмет отдельного исследования.

Jefferson), а от потомка инициатора индустриальной революции в США. Более того, он отлично понимал, что именно промышленное преобладание сделает Соединённые Штаты мировым гегемоном, но его это не устраивало в эстетическом смысле. Однако мощнейшая прививка японской эстетики в американскую культуру подготовила успех работ Л. Хэрна. Он, как и Лоуэлл, был энтузиастом традиционной патриархальной Японии с её самурайской иерархией и буддийской эстетикой, враждебной христианскому духу. Характерно, что и того, и другого печатали бостонские издатели Хоугтон (Henry Oscar Houghton) и Миффлин (George Harrison Mifflin) и журнал «Атлантик» (см., например, JG, MLRD), ориентирующиеся на космополитическую аудиторию деловых центров Восточного побережья (АММ). Однако Л. Хэрн, унаследовав от П. Лоуэлла основную проблематику, дольше прожил в Японии, сумев адаптироваться в её обществе (вплоть до того, что обратился в буддизм). Более того, он пришёл к неприятию западного индивидуализма, несущего агрессию и разрушение культуры, соглашаясь с тем, что у японцев ослаблена индивидуальность, но в преддверии великих социальных экспериментов XX в. давал положительную оценку этому. В конце 90-х годов XIX в. им впервые заявлено, что модернизация ни в коей мере не грозит приверженности японцев к традиционным ценностям (ДЯК). Д. Штраус, впрочем, отмечает: популярности трудов последнего в немалой степени способствовали экономические депрессии 1893 и 1907 годов, которые показали, что американская публика не столь модернизирована, как хотела бы показать окружающему миру, и чрезвычайно сочувственно относилась к традиционным (деревенским по генезису) ценностям. Не следует забывать также о «моде» на теософию и восточные религии, которые были совершенно неприемлемыми для Лоуэлла [4, p. 240].

С позиции современного развития востоковедения мы можем упрекать П. Лоуэлла за неоправданно широкие обобщения, в том числе отождествление локальной (японской) культуры с дальневосточной цивилизацией. Тем не менее, сопоставив японскую и европейскую национальные психологии, он отчасти опередил М. Вебера с его теорией идеальных типов. П. Лоуэлл впервые провёл научное исследование ментальных особенностей традиционной культуры в полевых условиях, имея знакомый ему европейский опыт в качестве эталона. Поставив вопрос о самоидентификации личности в обществе с доминированием архаичных форм образа жизни, он пришёл к совершенно естественному выводу, что она реализуется через внешние механизмы: семью и класс, в то время как в социуме типа модерн на первое место выходят внутренние механизмы индивидуальной психики. Возможно, что на метод сравнения Лоуэлла повлияли сопоставления А. де Токвиля между демократической Америкой и монархической Францией (ДА, с. 492), но в духе своего времени потомок «бостонских браминов» основывается на социал-дарвинистской теории и предполагает, что различия Японии и США имеют в основе расовую природу [4, p. 231].

В XXI в. востоковедческие труды П. Лоуэлла остаются важными первоисточниками по некоторым специфическим сторонам японской духовной культуры и искусства, не говоря об их историографическом значении. Естественно, что применение позитивистского подхода к предмету исследования и настойчивые декларации научной объективности не пережили своего времени.

Источники

- AMM – *de Wolfe Howe M.A.* The Atlantic Monthly and Its Makers. – Boston: The Atlantic Monthly Press Inc., 1919. – 106 p.
- Ch – *Lowell P.* Chosön; the Land of the Morning Calm: A Sketch of Korea. – Boston: Ticknor & Co, 1885. – 412 p.
- FJR – *Lowell P.* The fate of a Japanese Reformer // The Atlantic Monthly. – 1890. – V. 66. – P. 680–693.
- HTJ – *Chamberlain B.H., Mason W.B.* A Handbook for travellers in Japan. – London: Murray; Tokyo: Ogawa; Yokohama: Kelly & Walsh, 1894. – 528 p.
- JG – *Hearn L.* In a Japanese Garden // The Atlantic Monthly. – 1892. – Jul. – P. 14–33.
- JRAS – The Journal of the Royal Asiatic Society. – 1834-
- KCDE – *Lowell P.* A Korean Coup d’Etat // The Atlantic Monthly. – 1886. – Nov. – P. 599–618.
- MLRD – *Lowell P.* Mercury in the Light of Recent Discoveries. “The planet itself, as a world, is dead” // The Atlantic Monthly. – 1897. – Apr. – P. 327–343.
- N – *Lowell P.* Noto: An Unexplored Corner of Japan. – Boston; New York: Houghton, Mifflin & Co, 1891. – 262 p.
- OJ – *Lowell P.* Occult Japan, or the Way of the Gods: an Esoteric Studies of Japanese Personality and Possession. – Boston; New York: Houghton, Mifflin & Co, 1894. – 380 p.
- PL – *Lowell P.* Collected Writings on Japan and Asia, including Letters to Amy Lowell and Lafcadio Hearn: in 5 v. / Ed. by D. Strauss. – Tokyo: Edition Synapse, 2006. – (Collected Works of Japanologists)
- SFE – *Lowell P.* The Soul of Far East. – Boston; New York: Houghton, Mifflin & Co, 1888. – 247 p.
- ДА – *Токвиль А.* Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
- ДЯК – *Хэрн Л.* Душа Японии / Пер. Е. Маурина. – М.: Муравей, 1997. – 352 с. – (Ист. б-ка)
- МЖН – *Ловелл П.* Марс и жизнь на нём / Под ред. и с предисл. А.Р. Орбинского. – Одесса: Mathesis, 1911. – 270 с.

Литература

1. *Hetherington N.* Percival Lowell: Professional Scientist or Interloper? // J. History Ideas. – 1981. – V. 42, No 1. – P. 159–161.
2. *Саган К.* Космос: эволюция Вселенной, жизни и цивилизации / Пер. с англ. А.Г. Сергеева. – СПб.: Амфора, 2008. – 368 с. – (Б-ка фонда «Династия»)
3. *Strauss D.* Percival Lowell: The Culture and Science of a Boston Brahmin. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2001. – 352 p.
4. *Strauss D.* The “Far East” in the American Mind, 1883–1894: Percival Lowell’s Decisive Impact // J. Am.-East Asian Relat. – 1993. – V. 2, No 3. – P. 217–241. – doi: 10.1163/187656193X00167.
5. Мир по-японски: Эстетические и этические ценности в японской культуре / Сост. Е.В. Маевский. – СПб.: Северо-Запад, 2000. – 568 с.
6. *Ellwood R.S.* Percival Lowell’s Journey to the East // Sewanee Rev. – 1970. – V. 78, No 2. – P. 285–309.
7. *Leonard L.* Percival Lowell: an afterglow. – Boston: R.G. Badger: The Gorham Press, 1921. – 163 p.
8. *Dolan D.S.* Percival Lowell: the sage as astronomer: Doctor of Philosophy thesis. – Wollongong: Univ. Wollongong, 1992. – 392 p.

9. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры / Пер. с англ. Н.М. Селиверстова; под ред. А.В. Говорунова. – СПб.: Наука, 2004. – 360 с.
10. *Rosenstone R.A.* Learning from Those “Imitative” Japanese: Another Side of the American Experience in the Mikado’s Empire // *The American Historical Review*. – 1980. – V. 85, No 3. – P. 572–595.

Поступила в редакцию
24.04.17

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *dmitrymartynov80@mail.ru*

Мартынова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры татаристики и культуроведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *juliemartynova82@gmail.com*

Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *rustemr@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 6, pp. 1472–1486

Percival Lowell as a Researcher of Japanese Culture

D.E. Martynov^{*}, *Yu.A. Martynova*^{**}, *R.R. Mukhametzanov*^{***}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}*dmitrymartynov80@mail.ru*, ^{**}*juliemartynova82@gmail.com*, ^{***}*rustemr@mail.ru*

Received April 24, 2017

Abstract

This paper analyzes Percival Lowell’s (1855–1916) views on the characteristics of Japanese culture. During the period of 1882–1893, he made three scientific trips to Japan and Korea, which were the result of four books and several papers in periodicals. In his works, P. Lowell introduced a holistic image of the Japanese traditional culture, which he identified with the Far Eastern civilization as a whole system. He was a great connoisseur of Japanese landscape art and ikebana. The value of his work is that P. Lowell performed a comparative research of the highly developed traditional culture with the cultural type of modernity. He raised questions of personal identity in the traditional culture. Books and articles written by P. Lowell remain important as the primary sources for Japanese art and Shinto rituals. We have used the comparative and historical-typological methods to analyze P. Lowell’s main works: “Chosōn, the Land of the Morning Calm: A Sketch of Korea”; “The Soul of the Far East”; and “Occult Japan: Or, the Way of the Gods”. It is obvious from these works that P. Lowell considered Japan as a “mirror world” of the West and studied it through the prism of social Darwinism. He was the first to develop the mechanisms for investigating Japan. One of the methods was comparison of the national

psychologies of the Japanese and Europeans, which was more comprehensive than M. Weber's ideal types. He pioneered in the research on the mental characteristics of traditional cultures in field conditions by focusing on esoteric (trance-like) rituals. P. Lowell raised questions of personal identity in the society dominated by archaic forms of living and concluded that it is influenced greatly by external mechanisms, mostly family, suppressing individuality. P. Lowell believed that the westernization of Japan is impossible, because the Japanese mind is unable to learn the achievements of Western science. The consequences of these views were that P. Lowell's studies on Japan were never reprinted until 2006.

Keywords: oriental studies, traditional culture, sociology, modernization, westernization, Boston Brahmins, Percival Lowell, Japan, United States, astronomy, Mars

References

1. Hetherington N. Percival Lowell: Professional scientist or interloper? *Journal of the History of Ideas*, 1981, vol. 42, no. 1, pp. 159–161.
2. Sagan C. *Kosmos: evolyutsiya Vselennoi, zhizni i tsivilizatsii* [Cosmos: The Story of Cosmic Evolution, Science, and Civilization]. Little, Brown Book Group, 1983. 414 p.
3. Strauss D. *Percival Lowell: The Culture and Science of a Boston Brahmin*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 2001. 352 p.
4. Strauss D. The “Far East” in the American mind, 1883–1894: Percival Lowell's decisive impact. *Journal of American-East Asian Relations*, 1993, vol. 2, no. 3, pp. 217–241. doi: 10.1163/187656193X00167.
5. Maevskii E.V. *Mir po-yaponski: Esteticheskie i eticheskie tsennosti v yaponskoi kul'ture* [Japanese World: Esthetic and Ethical Values in Japanese Culture]. St. Petersburg, Severo-Zapad, 2000. 568 p. (In Russian)
6. Ellwood R.S. Percival Lowell's journey to the East. *The Sewanee Review*, 1970, vol. 78, no. 2, pp. 285–309.
7. Leonard L. *Percival Lowell: An Afterglow*. Boston, R.G. Badger, The Gorham Press, 1921. 163 p.
8. Dolan D.S. *Percival Lowell: The Sage as Astronomer: Doctor of Philosophy Thesis*. Wollongong, Univ. Wollongong, 1992. 392 p.
9. Benedict R. *Khrizantema i mech: modeli yaponskoi kul'tury* [The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture]. St. Petersburg, Nauka, 2004. 360 p. (In Russian)
10. Rosenstone R.A. Learning from those “imitative” Japanese: Another side of the American experience in the Mikado's Empire. *The American Historical Review*, 1980, vol. 85, no. 3, pp. 572–595.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Мухаметзянов Р.Р. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1472–1486.

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A., Mukhametzanov R.R. Percival Lowell as a researcher of Japanese culture. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1472–1486. (In Russian)